

А. С. МЕЛЬНИКОВА

ПУЛКОВСКИЙ КЛАД МОНЕТ XVII в. И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛЕ И КОРЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ ПРИ ШВЕДАХ

В собрании Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа под № XVIII хранится монетный клад, состоящий из западноевропейских талеров (40 экз.) и русских серебряных копеек (1491 экз.), спрятанный около 1645 г. и найденный в 1936 г. в г. Пулково (ныне входящем в черту С.-Петербурга). Клад этот представляет интерес во многих отношениях, что обусловило пристальное внимание к нему со стороны исследователей.¹ Однако информативные возможности клада значительно расширились, когда была разобрана и изучена русская его часть (см. Приложение 1). Состав этой части оказался настолько непохожим по структуре и набору монет на обычные русскиеклады середины XVII в., что понадобилось найти объяснение этим фактам. Феномен Пулковского клада, важный и интересный в чисто нумизматическом плане, предоставляет к тому же уникальную возможность для изучения особенностей местного денежного обращения на территории Ижорской земли и Корельского уезда, с 1617 г. по начало XVIII в. остававшихся в шведском владении.

По условиям Столбовского мира 1617 г. к Швеции отошли уезды Ивангородский, Ямский, Конорский, Нотебургский, в шведских источниках — Ингерманландия и Корельский (Кексгольмский) уезд.

На современной карте границы шведских владений проходили приблизительно по Кингисеппскому, Ломоносовскому, Волосовско-

¹ Славский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1955. Вып. 44. С. 328, 332—333; Сотникова М. П., Славский И. Г. Русскиеклады слитков и монет в Эрмитаже // *Русская нумизматика XI—XX веков: Материалы и исследования*. Л., 1979. № 32; Калинин В. А. Русская кладовая крантва в Эрмитаже // Там же. С. 99; Потин В. М. 1) Пулковский клад талеров XVII в. // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. 1967. Вып. 28. С. 56—58; 2) Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI—XVII вв. // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1974. XIX. Приложение. № 11. С. 208.

му, Пушкинскому, Гатчинскому, Сестроречскому и Восvolожскому районам Ленинградской области, северной части Лужского района по рекам Луге и Оредежи, а также включали Петербург с окрестностями. К северу от Петербурга граница шла по реке Сестре, далее по побережью Ладожского озера, включая приблизительно границы Приозерского района, затем переходила в Карелию по северному берегу Ладожского озера и заканчивалась севернее Олонца. Напомним, что Ям, Нотебург, Корела называются Кивитисепи, Петрокрепость, Приозерск; Ивангород и Копорье сохранили старые названия.

Отрезанная после 1617 г. от Балтийского моря шведскими владениями, русская внешняя торговля испытывала множество затруднений. Морские ворота Русского государства — Архангельск и Мурманский берег на Кольском п-ове — были открыты для навигации только в летние месяцы. Круглый год был открыт путь в Европу через Новгород Великий и Псков, но отплыть путь на Балтику преграждала Швеция, взявшая в XVII в. под свой контроль всю балтийскую торговлю. Русские купцы, везущие хлеб, меха, кожи, лен, пеньку, икру, а также изделия русских ремесленников в «Свсию», «Датскую и Галанскую землю», должны были миновать таможенные заставы, расположенные на границах шведских владений в городах Нарве, Ивангороде, Выборге, Ладоге, Орешке, Тесове (на р. Оредеж). Особое значение к середине XVII в. приобрела таможня в крепости Нисенпанц, расположенная в устье Охты. Нисенпанц (в русских источниках — Канцы, Новые Канцы, Канси, Невские Канцы, Невский город, Невское пристанище) получает в 1632 г. права города и в 1648 г. — Таможенный устав. Отсюда шел путь через Финский залив в Стокгольм, сосредоточение шведской торговли на Балтике и единственный город в Швеции, где имели право торговать русские торговые люди.

Ижорская земля и Корельский узел были буквально пронизаны сложившимися еще в древности сухопутными и водными путями, которые вели из Новгорода Великого и Пскова к балтийскому побережью. Дороги шли из Новгорода на Тесово, отсюда — на Орешек, из Орешка по Неве до Нисенпанца и отсюда — на Стокгольм. Другой путь шел через Ям—Копорье—Нисенпанц. Был путь через Ладогу по южному берегу Ладожского озера на Орешек и далее Невой до Нисенпанца. Из Корелы и северных погостов в Швецию добирались через Выборг. Наиболее регулярно участвовали в шведской торговле в течение всего XVII в. торговые люди из Новгорода Великого, Пскова, Тихвина, Олонца и Ладоги.²

По Столбовскому миру 1617 г., Валясарскому перемирию (1658) и Кардвкскому договору (1661) и русским, и шведским купцам разрешалось торговать только в городах, где имелись таможни; ездить в села и деревни для торговли, заниматься мелочной розничной торговлей строго запрещалось. На деле эти порядки наруша-

² Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сборник документов. М.; Л., 1960 (далее: РШЭО). № 28, 30, 31, 48, 53 и др.; Шаскольский И. П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994. С. 45—47, 184—186.

лись как той, так и другой стороной. Русские письменные источники пестрят сообщениями о приезжих торговых людях, которые «продают по подворьям тайно» свои товары, а также «торгуют, ездя по деревням, всякими товарами беспощадно» в Олонекском, Заонежском и Лопском погостах, в Ладожском, Порховском и Старорусском уездах.³

Как показали новейшие исследования, русско-шведская торговля в XVII в. велась в основном прибалтийским и русским купечеством; шведские купцы посещали русскую территорию значительно реже. В Стокгольм из России приезжали как богатейшие новгородские купцы, так и множество мелких посадских людей и торговых крестьян с небольшими партиями товаров.⁴

На территории Ижорской земли и Корельского уезда торговая деятельность приезжих и местных торговых людей, как иноземных, так и русских, была весьма интенсивна. Многие местные жители занимались также извозом, нанимаясь для перевозки товаров на подводах или судах. Наемные подводы с лошадьми и «карабасы» постоянно фигурируют в письменных источниках — этим промыслом занимались многие жители из деревень и городов, расположенных по торговым путям. По материалам 1640 г., ярмарка в Ниеншанце собирала множество окрестных жителей и приезжих торговых людей.⁵

Пограничное положение Ижорской земли и Корельского уезда и участие местного населения в торговых операциях или при обслуживании этих операций создавали все условия для образования местных кладов. Безусловно, в руках ижорцев и корелян должны были скапливаться какие-то денежные суммы, которые, по обычаю, прятались в тайники.

Это предположение вполне обосновано. Сравнительно небольшое пространство Ленинградской области в ее северо-западной части, площадь, занятая Петербургом и далее, вверх по течению Невы до Ладожского озера, насыщены кладами. Из 64 находок, зафиксированных в Ленинградской области, на долю бывших шведских владений приходится около 85% (51 клад). Особенно много находок сделано на территории Петербурга (19) и в Кингисеппском р-не (17). На границах Ленинградской обл., а также в Олонекском р-не Карелии обнаружено 10 кладов. В целом известны 74 клада с монетами XVI—XVII вв., представляющие материал для изучения денежного обращения в шведский период (список находок представлен в Приложении № 2).

Клады неоднородны по составу. 35 кладов состоят из русских монет, 35 — из западноевропейских. Смесанный состав — русские и западноевропейские монеты — имеют 3 клада, и один клад (№ 68) из Гдовского р-на состоит из рубленого серебра и к денежному обращению отношения не имеет.

³ РИЭО. № 8, 23, 24, 57, 89, 93, 96 и др.

⁴ Шапкоцкий И. П. Русская морская торговля... С. 47—54.

⁵ Там же С. 171—172.

В. М. Потин пришел к выводу о смешанном характере денежного обращения на землях, занятых Швецией по Столбовскому миру. По его мнению, медная шведская монета обслуживала местное денежное хозяйство.⁶

Сделав этот однозначный вывод, В. М. Потин более уже не обращался к вопросу о характере местного денежного обращения, хотя эта тема представляется чрезвычайно интересной.

Передача Ижорской земли и Корельского уезда Швеции по Столбовскому миру 1617 г. должна была бы иметь следствием отказ от русской монеты и переход к использованию шведских денег. Письменные источники из Финляндии и Стокгольмского архива свидетельствуют, что всю документацию на завоеванных и оккупированных землях шведская администрация вела на шведском языке, включая и ведомости о системе обложения податного населения.⁷ Суммы денежных выплат почти всегда выражались в шведских денежных единицах. Логически рассуждая, следует признать, что архивская русская проволочная копейка, бывшая практически единственным реально существующим номиналом, отчеканенная при помощи примитивной ручной техники, с плохо читаемыми изображениями и надписями, должна была уступить место красивым крупным шведским серебряным талерам и медным эре. На оккупированных шведами русских землях средствами денежного обращения также должна была стать общевропейская валюта — талеры, о которых шведскими посланцами в 1662 г. было сказано: «эфимки, которые во всем свете ходят, а царского величества в земле не делают».⁸

Что же в действительности произошло с русской и шведской монетой, обращавшейся почти в течение столетия на территории Ингерманландии?

На первый взгляд обилие кладов с шведскими медными монетами и находки талерон, на русской территории обычно почти не встречающиеся, говорят об использовании этой монеты в местном денежном обращении. Письменные источники также дают основания для такого заключения. В 1648 г. русским купцам, которые торговали в Стокгольме, разрешили взять с собой в дорогу медных шведских денег («шкислевых») «для мелкого расхода и извозу зимнею путю», но в Кандах эти деньги отобрати, хотя они нужны были купцам для того, чтобы нанимать извозчиков «до государевой стороны»,⁹ из чего следует, что в Ижорской земле медные шкислевые деньги были в ходу.

⁶ Потин В. М. 1) Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 50—104; 2) Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 195, 198.

⁷ Шаскольский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 113—114; 2) Как оказался в Стокгольме Новгородский архив начала XVII в. // Советские архивы. 1968. № 3. С. 114—119.

⁸ РШЗО. № 139. С. 209.

⁹ Там же. № 96. С. 136.

Найденные здесь 24 клада с медными шведскими деньгами убеждают в правомочности такого вывода. Основная масса кладов состоит из 1000—2000 экз., что в среднем составляет вес немногим меньше или больше пуда. Лишь один клад насчитывает 12 пудов. Но даже мелкие торговцы, разъезжавшие по шведским владениям до русской границы, привозили на продажу гораздо большие количества меди. В 1637 г. в Тихвинской таможене приезжие торговые люди, прибывшие из Корельского уезда и Ижорской земли, среди своих товаров «являли» медь шкилевую и медную «ветошь» (медь в изделиях) в следующих количествах: 17,5 пудов; 4 пуда; 10 гривеннок ветоши; 5 пудов меди шкилевой и ветоши; 10,5 пудов; 24 пуда, привезенные на трех лошадях; 16,5 пудов; 21 пуд.¹⁰ Но были и совсем крупные партии меди: «свейский немчин» в марте 1641 г. привез, например, из Ладоги в Новгород 110 возов с медью и железом для перепродажи товара в Москве.¹¹

И все же возникает ряд серьезных возражений, не позволяющих безоговорочно принять точку зрения такого серьезного исследователя, как В. М. Потин, об участии шкилевой меди в денежном обращении на Северо-Западе России. Возражения вызывает хронология распределения кладов с медными монетами и их расположение.

На 1627—1641 гг. приходится всего 7 кладов с медной монетой, на конец 40-х—50-х годов — 11 и на вторую половину XVII в. — только 2 клада. Не встречается ни одного клада с медью в Корельском уезде.

Изучение состава кладов и условий продажи меди в Швеции дают доказательства прямой зависимости периодичности притока шведской меди в Ингерманландию от торговой конъюнктуры. По наблюдениям В. М. Потина, в кладах Ижорской земли были в основном представлены шкилевые денги, чеканившиеся в 1633, 1634, 1635 и 1636 гг., причем четвертая часть их приходилась на 1636 г.¹² Однако эти годы, отмечает В. М. Потин, не были отмечены интенсификацией чеканки медных монет в Швеции; напротив, монеты 1628 г., рекордного по количеству отчеканенной меди, представлялись в кладах Северо-Запада России беднее, чем монеты 1625 и 1626 гг., выпущенных в меньшем числе.¹³

По всей видимости, такой хронологический расклад кладов со шкилевой медью следует объяснять прекращением в 1633 г. активного вывоза русского хлеба в Швецию в годы Тридцатилетней войны в Европе, когда Россия принимала участие на стороне антигабсбургской коалиции. Участие России заключалось в продаже хлеба Швеции без уплаты пошлин и по низким ценам. Операции по перевозке хлеба, осуществлявшиеся на правительственном уровне, шли через Архангельск и происходили с 1628 по 1633 г.¹⁴ В

¹⁰ Там же. № 73. С. 110.

¹¹ Там же. № 83. С. 117—118.

¹² Потин В. М. Сквишавские монеты на территории Русского государства... С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 202—229.

1631 г. между русским и шведским правительствами было заключено соглашение о натуральном обмене сельскохозяйственной продукцией на сумму в 100 000 руб. на медь, железо и оружие, которые обязывались поставлять Швеция.¹⁵ После 1633 г. русское правительство категорически отказывалось давать разрешение на вывоз хлеба, несмотря на неоднократные обращения шведов. Однако торговля хлебом не прекратилась — ее стали осуществлять торговые люди. Через Испанию в Швецию вывозился зерновой хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, полученные в Ижорской земле и Корельском уезде. Часть этих товаров была получена через налоги, часть закупалась у местного населения.¹⁶ Оживление торговли сельскохозяйственными товарами после 1633 г., на наш взгляд, отразили клады с медной монетой, датировка которой приходится на рубеж 30-х—40-х годов XVII в.

Прекращение притока шкилевой меди во второй половине XVII в. и сокращение количества кладов с медной монетой находят объяснение в ограничительных мерах по вывозу монетной меди за рубеж, которые Швеция стала проводить с конца 40-х годов. По статистическим данным, экспорт шкилевой меди и медных плотов (вид медной монеты) обрывается в 1644—1646 гг. В последующее время до конца XVII в. из Швеции вывозились только полуочищенная медь и медные изделия, но монеты и плоты исчезли из экспорта. Лишь в конце XVII в. медные денежные доски вновь стали фигурировать в числе товаров, вывезенных из Стокгольма в Россию.¹⁷ Русские купцы жаловались и в 1648, и в последующие годы: «Медных денег, на которые они, торговые люди, товар свой продадут, вывозить им не велят, а велят на те медные деньги покупать им товары». Если же русские купцы, «избываячи медные свои деньги», захотят купить на них досчатую медь, то по новому указу с них берут большую плату. Однако на жителей шведской территории, «ивангородцев и корелян» запрет на вывоз шкилевой меди не распространялся и их «не Стекольна отпустили и в государеву сторону те шкилевые деньги с свейской стороны торговые люди привозили».¹⁸ Но льготы «ивангородцам и кореляном» никак не отразились на хронологии кладов, и приток медной монеты сокращался вместе с изменением состава товаров, вывозимых из Швеции.

Если бы медные шкилевые деньги использовались в качестве местной ходячей монеты, их поступление не зависело бы от конъюнктуры медной торговли, они равномерно поступали бы в шведские владения и не менее равномерно выпадали бы в клады по всей территории Ижорской земли и Корельского уезда. Мы считаем большую часть меди, найденной в шведских владениях на Северо-Западе России, не ходячей монетой, а товаром. Медь была самым распространенным видом товара, поступающим из Швеции, ее вели и транзитом, через Ингерманландию и Кексгольмский уезд, и жите-

¹⁵ Там же. С. 217.

¹⁶ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 74; РИЭО. № 103. С. 145—147.

¹⁷ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 64, 65.

¹⁸ РИЭО. № 96. С. 136; № 156. С. 231.

ли этих территорий «на себя». В письменных источниках неоднократно отмечаются тяготы проезда по бездорожью, когда можно только пройти пешком, а с телегой «через речки и по мхам» проехать невозможно. Клады с медью могли прятать мелкие торговые люди из-за бездорожья или иных трудностей пути по дорогам «худым, грязным и водяным».¹⁹

Дать окончательный ответ о характере использования шведской шкильевой меди в шведских владениях на Северо-Западе России мы не решаемся и оставляем вопрос пока открытым. Если сырьевое значение меди в северных и северо-восточных регионах России не вызывает сомнения, о чем сообщил вологодский исследователь А. В. Быков,²⁰ то в этом уголке русской территории с ее сложным национальным составом и специфической экономикой, обусловленной шведским владычеством, проблема местного использования меди оказывается не столь простой.

Обратимся к кладам с западноевропейской монетой — талерами, которых зафиксировано в общей сложности 11. Из них три клада (№ 11, 16 и 22) относятся к XVI в., т. е. к дошведскому периоду. Остальные находки с датировками времени захоронения от 1649 до 1671 г. очень невелики по размерам. В кладах насчитывается по 3, 4, 5, 9, 13 талеров (№ 10, 26, 27, 38, 60). Известны лишь три крупных клада с талерами: клад середины XVII в., насчитывающий 460 экз., найденный на Охте в районе С.-Петербурга (в районе Нисипанца) — клад № 3; клад самого конца XVII в., состоящий из 81 шведской монеты, обнаруженный неподалеку от Пупызна (№ 63); клад из 82 талеров и двух шведских монет, датированный последней четвертью XVII в. и найденный в Гдовском р-не Псковской области (№ 67). Характерно также, что собственно шведские серебряные монеты представлены всего тремя кладами (№ 26, 60 и 63). В. М. Потин отмечал, что скандинавские талеры составляли незначительный процент от числа ввозившегося в Россию талерного серебра.²¹ Это отражает слабое участие собственно шведских купцов в русско-шведской торговле, которую обслуживали прибалтийские и русские торговые люди.

Талеры-сфимки были очень хорошо известны на русском внутреннем рынке, их в колоссальных количествах ввозили через Архангельск и центры русской внешней торговли на Северо-Западе, в том числе через Нисипанц. Столь же хорошо известно, что на Руси талеры не участвовали в денежном обращении и были только товаром, который закупался для использования в качестве сырья на денежных дворах и для нужд ювелирного производства. Немногочисленные находки кладов с талерами на русской территории²²

¹⁹ Там же. № 53. С. 84.

²⁰ Быков А. В. «Шкильевая» медь на территории Северной Руси в XVII в. // Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 20—30.

²¹ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 192—193.

²² Потин В. М. Талеры на территории Русского государства... С. 79—80. В список кладов с талерами входят 14 кладов, из которых 4 найдены в шведских владениях.

связываются с торговой конъюнктурой, но никак не с местным денежным обращением.

Мелкие клады талеров — принадлежность только шведской окраины на Северо-Западе Руси. Крупные клады, найденные здесь, с полным основанием можно отнести к категории купеческих; мелкие клады свидетельствуют о более глубоком проникновении талеров в местную экономику. Талеры здесь тоже использовались как товар: в таможенных явках фигурируют обычно как составная часть товаров небольших количества (не превышающие обычно 10—20 талеров). Об участии талеров в экономической жизни шведских владений говорят также клады смешанного состава, где примерно в равных пропорциях встречаются талеры и русские копейки (№ 9, 66, 71).

Сферой использования талеров была также уплата таможенных пошлин на пограничных заставах и таможнях. В 1649 г. тихвинские торговые люди, отправлявшиеся в Швецию на судах («судовышки»), брали «на дорожную издержку» бочку медных денег и 348 ефимков.²³ В Нидерланде и Стокгольме пошлины с приезжих купцов брали только любскими ефимками на том основании, что это «такие деньги, что во всяких местах они ходят».²⁴ На русской территории пошлины с приезжих купцов тоже брали ефимками, но здесь учитывалось, что многие товары обменивались на талеры и в обменный курс талера входила уплата товарной пошлины. Обменный курс талера в этих случаях мог составлять и 51, и 52 копейки, хотя в середине XVII в. установился устойчивый курс в 50 копеек.²⁵ В 1661 г. русская и шведская стороны пришли к соглашению об уплате пошлин «обоих государств деньгами ходячими бесспорно».²⁶ На практике это вылилось в уплату торговых пошлин «ефимками полными» по весу, а в случае недовеса доплата должна была производиться в Швеции — медными ходячими «свитскими» деньгами, в России — серебряными проволочными копейками,²⁷ «на обе стороны ровно и во всем быти по Кардисскому мирному договору».²⁸ Однако русские постоянно жаловались на то, что шведы «своих свитских шкилевых и плотовых денег за пошлины не смют»,²⁹ а шведы предъявляли русским претензии за вынуждение «волокистой и продажей» на обмен ефимков на русские копейки.³⁰

Ефимки были нужны всем участникам торговли как товар, как твердая валюта, имевшая всегда устойчивую ценность и повсеместное применение, вне зависимости от государственных границ. Единственной территорией, где ефимки не могли использоваться как средство денежного обращения, было Русское государство. Поэтому иноземные купцы были вынуждены обменивать свои ефимки на ко-

²³ РШЗО. № 93. С. 104.

²⁴ Там же. 1646 г. № 92. С. 128; 1649 г. № 103. С. 157; 1661 г. № 137. С. 203.

²⁵ Там же. № 58. С. 92.

²⁶ Там же. № 137. С. 203.

²⁷ Там же. № 139. С. 209.

²⁸ Там же. № 184. С. 303.

²⁹ Там же. № 156. С. 231.

³⁰ Там же. № 139. С. 209.

Таблица 1

Датировка кладов	Иван IV, 1533—1584	Борис Федорович, 1598—1605	Василий Иванович, 1606—1610	Владислав Жигимонтович, 1610—1612	Михаил Федорович, 1613—1645	Алексей Михайлович, 1645—1676	Федор Алексеевич, 1676—1682	Петр I, 1689—1725
Количество кладов	9	2	3	2	9	5	1	4
Номера кладов в Приложении 2	8, 15, 20, 21, 45, 49, 57, 58, 65	2, 28	19, 37, 46	50, 70	4, 30, 42, 48, 52, 56, 59, 72, 74	1, 18, 41, 61, 73	23	16, 17, 31, 51

пейки, чтобы иметь «утожие денъги, чем юм с русскими людьми торговати».³¹ В 1665—1666 гг. на Тихвинской таможене «являлись» ннотземды русские денъги: рижанин — 103 руб.; любчанин — 2724 руб.; корелянин — 100 руб.³² (заметьте, что житель Корельского уезда здесь приравнивается к ннотземным купцам).

Прежде чем попытаться определить функциональное назначение талеров на территории шведских владений и выяснить, обрабатывались ли они там как ходячая монета, обратим внимание на еще одну категорию монетных кладов, в изобилии встречавшихся на Северо-Западе Руси.

Всего зафиксировано 18 кладов с русскими монетами в Ижорской земле и Корельском уезде и 17 — за пределами этой территории. Таблица 1 дает представление о хронологическом составе этих кладов.

На таблице хорошо видно, что 1617 год, когда Швеция завладела Ижорской землей и Корельским уездом, никак не отразился на количестве кладов с русскими монетами. До 1617 г. здесь зафиксировано 16 кладов, после 1617 г. — 19. Такое же соотношение сохранялось и на самой «шведской» территории. До 1617 г. на долю Ижорской земли приходится 9 кладов, после этой даты — тоже 9. Не встречены клады времени Федора Ивановича (1584—1593) и Лжедмитрия (1605—1606), их вообще находят сравнительно редко. В целом же хронологический набор кладов здесь типичен для всех окраинных территорий Русского государства.

Размеры кладов также характерны для всех русских находок XVI—XVII вв. Они невелики и в подавляющей своей массе составляют суммы от одного рубля до десяти. К сожалению, не сохранился целиком ни один из кладов с русскими копейками, найденных на «шведской» стороне. Мы не можем сказать, насколько соответствовали состав и структура этих кладов складами, происходящими из собственно России. Мы можем только утверждать, что местное на-

³¹ Там же. 1634 г. № 58. С. 92.

³² Там же. № 177. С. 285.

селение пользовалось русскими серебряными копейками и прятало их в клады тогда же и так же, как это делалось в остальной части Русского государства. Видимо, денежное обращение бывших русских земель, оказавшихся под властью шведов, не отделилось наглухо от России и в какой-то степени оставалось частью общерусского денежного обращения и после 1617 г.

Однако шведское присутствие принесло сюда ряд существенных отличий, которые не только обусловили специфический характер местного денежного обращения, но и оказали существенное влияние на общерусское денежное хозяйство.

Русское денежное обращение, оправившееся после разрушительного кризиса времен Смуты, в начале 20-х годов XVII в. столкнулось с новой бедой. Речь идет о массовом распространении фальшивых монет. О них говорится в письменных источниках, они часто и иногда в больших количествах встречаются в кладах. Хотя фальшивые («воровские») деньги встречаются на всей территории Русского государства, некоторые данные позволяют думать, что центром их производства были северо-западные районы. На это указывают термины, которыми чаще всего обозначались «воровские» деньги: «корельки худые», «воровские олонкиские деньги». Эти термины прямо указывают на Корельский уезд как на родину какой-то части фальшивых монет.

Действительно, шведские источники сообщают, что в округе Кексгольм (Корела) у крестьян при осмотре их имущества часто находили монетные штампы; происходило это «за 10 лет до шведов», т. е. в годы шведской оккупации Новгорода.³³ С. М. Соловьев приводит данные о том, что за шведским рубежом в Корельской земле в 1634 г. было обнаружено «тисздо фальшивомонетчиков»; занимались этим делом якобы русские перебежчики.³⁴ Псковская летопись под 1636 годом сообщала: «Много шкоты монатырем и всяким злодем сотворися, и насилству и грабсжу достойно, денги корельки худые, и цена невольная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая и вражда несказанная».³⁵ В 1661 г. «москвитин, торговый человек Макар Загорский», сообщивший о появившихся в 60-е годы «воровских поддельных денгах», вспоминал: «И мне на память пришло: так же блаженные памяти при отце великого царского величества появились было многия воровския денги, а называли их корельками, и от тех воровских корельок хлеб и всякия товары подорожали; и по указу его царского величества на Москве и в городах и во всех местех в приказах и в таможнях и в мытнях и в рядах учинили крепкие запасы, и выбраны были для сыску и розыску тех воровских денег, корельок, в приказах подьячие, а в рядах рядовские старосты и целовальники, которые те воровские корельки знали, и денег наперед осматривали на явках и в рядах на торговых, как денги считают за товар. И у кого сыскалась хотя одна воровская корелька, и о том был сыск до прямиа, и будет не зная

³³ Holz G. Denningen // Zeitschrift für Ostforschung. II. 1962. Heft 1. S. 31.

³⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. V. С. 326.

³⁵ Подное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 4. С. 335.

взял, и те воровские корелки имали и собирали в ящики в казну его царского величества, да на том же человеке сверх того... в казну его царского величества имали вчетверо, за всякую воровскую копейку 4 копейки прямых казенных, чтоб впредь никому не повадно было воровскими деньгами торговать. И у кого только сыскалось воровских корелок рубль или два, и тому много было его царского величества мстительства и жестокое наказание. И тот его царского величества указ в тое пору напечатан был на многих местах, и те листы на Москве розданы были по всем приказом и розосланы по всем городом и прибываны были те листы в рядех, по крестном, и на гостиных дворах, на воротах; и те воровские корелки вскоре, меньше полугоду, все перевелись и хлеб и товары по прежнему почали купить недорогою ценою».³⁶

В этой длинной цитате с исчерпывающей полнотой рассказывается о воздействии «корелок» на русское денежное обращение и о правительственных мерах по борьбе с ними.

«Его царского величества указ», видимо, воспроизводит окружная грамота царя Михаила Федоровича от 10 февраля 1637 г. в Пермь. В грамоте перечисляются виды «денежного воровства», которое совершали «денежные воры». Они резали маточники сами и с них переводили чеканы, при помощи которых делали деньги из меди, и «те деньги серебрили, а иные деньги делали в серебре с медью, мепали меди в серебро вполы и в треть»; другие давали пристанище на своих подворьях «денежным ворам» и «имали заведомо» фальшивые деньги у них; еще какая-то часть покупала фальшивые деньги «в нашем государстве и за рубежом». Пойманных «воров», согласно царскому указу, велено было бить кнутом нещадно и высылать их в разные города, в тюрьмы, скованными в железа, вместо ранее практиковавшейся смертной казни — «при прежних великих государях таким ворам бывала казнь смертная, заливали теми их воровскими деньгами горло». Но впредь грамота угрожала: если кто-либо попадется, «тем ворам велено заливати горло по прежнему безо всякия пощады».³⁷

Из царского указа следовало, что воровские деньги делались в русских городах и за рубежом. Зарубежные воровские деньги действительно чеканились и ввозились в русские города в значительных количествах. Пока удалось с полнотой определенностью выявить двух крупных производителей фальшивых денег, выпуски которых были настолько масштабны, что оставили заметный след и в письменных источниках, и в сохранившейся до наших дней денежной массе.

О первом таком изготовителе мы узнаем из претензии московских властей к шведскому послу Стенбуку, прибывшему в 1618 г. в Москву для ратификации Столбовского договора. В протесте москвичей содержалось известие о вывозе из Новгорода после заключения мира в феврале 1617 г. целой артели («становцы») Новгородского денежного двора — денежного мастера Нефедки «с товарищи». Вместе с денежными мастерами «свейские державцы» вывезли

³⁶ Акты Московского государства. М., 1901. Т. 3. № 540. С. 461—462.

³⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. № 106. С. 300.

из денежного двора чеканы, которые были изготовлены при царе Василии Шуйском. «И денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свее сидно и в Свее дщпи чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя». ³⁸

Монеты, чеканенные «Нефедкой в Свее», были выделены из массы русских копеек XVII в. Они оказались очень плохо отчеканенными монетами с именем Михаила Федоровича, подражающие выпускам всех трех русских денежных дворов: Московского, Новгородского и Псковского. Нормативный вес подделок был в пределах 0,47—0,48 г, проба колебалась от 750 до 960, ³⁹ в то время как весовой нормой русских копеек в это время был вес в 0,51 г, а проба — 960.

Есть все основания полагать, что вывоз «Нефедку с товарищи» и с чеканами Новгородского денежного двора знаменитый шведский полководец Якоб Делагарди, который принимал деятельное участие в русских междоусобицах времени Смуты, стоял во главе шведских оккупационных военных сил, занимавших Новгород с 1611 по 1617 г., и весьма активно участвовал в экономических мероприятиях шведского правительства. Известно, что Делагарди вывез в Швецию многочисленные архивные документы из Новгорода, в число которых входили книги Новгородского денежного двора с 1610 по 1617 г. ⁴⁰ Известно также, что в 1618 г. генерал ссудил шведскому правительству 30 тыс. талеров. Взамен уплаты долга корона предоставила ему в аренду два уезда — Кексгольмский и Нотебургский — с правом сбора с них налогов. В 1624 г. аренда была продолжена до 1628 г. ⁴¹ Логично допустить, что в дополнение к вывезенным из Новгорода архиву и книгам Новгородского двора Делагарди вывез денежников и чеканы, а в отдаленных ему на откуп уездах организовал чеканку фальшивых денег. В. М. Потин приводит данные о находке в с. Сермяги Нежкульской волости Олонетской губ. (1899 г.) клада из 2489 монет, по определению А. К. Маркова «мордовских подражаний низкопробного серебра русским копейкам XVII в.» Как справедливо заключает В. М. Потин, монеты были «не мордовками», а одной из разновидностей «корелок». ⁴²

Если принять версию о том, что сам Делагарди организовал чеканку фальшивых монет в «Свее», в данном случае — в Корельском или Нотебургском уездах, не покажутся неожиданными претензии русских бояр шведской стороне во время переговоров в Москве 1634 г. Бояре обвиняли королеву Кристину в покровительстве фальшивомонетчикам Макарию Терехину с братом, которым разрешили

³⁸ *Спаский И. Г.* Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. // ВИД. Л., 1972. Т. 4. С. 167.

³⁹ *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 145—151.

⁴⁰ *Шаскольский И. П.* Как оказался в Стокгольме Новгородский архив. С. 111—119.

⁴¹ *Аграрная история Северо-Запада России.* Л., 1989. Т. 4. С. 193.

⁴² *Потин В. М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 205.

поселиться на пустынном острове Ладожского озера и готовить воровские деньги. На эти деньги корельские купцы скупали хлеб для поставок шведской короне. Виновные были, по свидетельству шведов, посажены в тюрьму и казнены.⁴³ Массовое распространение чеканки фальшивых русских копеек на шведской части Русского государства было, по всей видимости, выгодно шведскому купечеству и не вызывало протеста официальных властей.

Вторым источником поступления фальшивых денег из-за рубежа была чеканка «денвипгов» — подражаний русской копейке в Дании после 1619 г. Денвипги имели на лобковой стороне традиционное изображение всадника с копьем, на оборотной — имя и краткий титул короля Дании Христиана IV на немецком языке или на испорченном русском, для чего использовались кириллические буквы фантастического начертания. Вес и проба денвипгов с именем Христиана IV вполне соответствовали весу и пробе современным русским копейкам. Чеканка этих монет была легализована русским правительством. Видимо, решающую роль здесь сыграло то обстоятельство, что Россия и Дания были в одном лагере во время Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., а также общая позиция по отношению к Швеции. Швеция блокировала Россию на Балтике; Дания желала в свою очередь безраздельного господства в Балтийском море, главным препятствием для чего была Швеция. Россия стремилась привлечь Данию на свою сторону и когда в 1625 г. Дания вступила в войну с Империей, Россия предоставила возможность закупать хлеб не по монопольной царской цене, а по себестоимости. Выход Дании из числа активных участников войны в 1629 г. привел к разрыву отношений между обеими державами.⁴⁴ Разрешение на беспрецидентный шаг — чеканку копеек вне государственных денежных дворов, с именем иноземного правителя, данное русским правительством Дании в 1619 г., следует рассматривать в связи с общей дипломатической линией поведения России в годы Тридцатилетней войны.

Однако датская сторона не ограничилась чеканкой копеек с именем Христиана IV. Нумизматические материалы показали, что оба датских монетных мастера, привлеченных Христианом IV к чеканке денвипгов, стали делать настоящие «воровские», с точки зрения русского правительства, монеты с именами русских царей (от Дмитрия Ивановича до Михаила Федоровича).⁴⁵ Эти копейки были и весом, и пробой значительно хуже своих прототипов; делались они, по всей видимости, для обеспечения торговли Печорской компании, образованной в Копенгагене в 1619 г. Членами компании были сам король Христиан IV и один из монетных мастеров — Иоганн Пост. Компания собиралась беспощадно торговать на Русском Севере в районе Пустозерска.⁴⁶

⁴³ Там же. С. 204—205.

⁴⁴ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война... С. 39—40.

⁴⁵ Медьникова А. С. Русские монеты... С. 171—173.

⁴⁶ Там же. С. 190—195.

Копейки, чеканенные «Нефедкой с товарищи», и датские деннинги с именами русских царей и Христиана IV хорошо известны нумизматам. Они широко распространились по русской территории и редкий клад обходится без одной—трех монет, чеканенных зарубежными фальшивомонетчиками. Не исключено, что кроме них в Россию ввозились и другие зарубежные подделки, пока не выделенные из многочисленных фальшивых монет, обнаруженных в русскихкладах середины и второй половины XVII в. Известно, что в 1641 г. Россия выражала протест «к голландским статам с их гонимом Яганом фон Дрисом, дабы они исследовав запретили голландцам делать из сфинков рубли российские и привозить оные в Россию».⁴⁷

Существование «гнезд фальшивомонетчиков» в шведских владениях, ввоз в Россию «воровских» копеек, изготовляемых за рубежом, послужили стимулом для отечественных фальшивомонетчиков. Расцвет их деятельности приходится на 30-е—начало 40-х годов XVII в. Другим крупным центром изготовления фальшивых денег был район на севере России — в Вологде и Белоозере. Здесь появились «воровские олонские деньги», часть которых была привозной, часть изготовлялась на месте.⁴⁸ Впрочем, письменные источники упоминают другие области, где в 30-е годы появились фальшивые деньги: Козлов, Воронеж, Шацк, Новгородский уезд,⁴⁹ а цитированный выше документ 1661 года называет «корелки худые» явлением общерусским. Эта «эпидемия», на наш взгляд, может быть связана с массовыми закупками хлеба в России, которым уплачивались субсидии Дании и Швеции. Историки неоднократно отмечали, что русская экономика оказалась неготовой для товарных закупок хлеба. Среди прочих отрицательных последствий (роста цен на хлеб, недоедания населения) следует назвать и всплеск активности фальшивомонетчиков. Для закупки хлеба на местах требовались наличные деньги, русские денежные дворы не могли обеспечить достаточное количество денежной массы и спрос порождал предложение.

Нет сомнения в том, что зачинщиками в этом малопочтенном занятии выступали жители Ижорской земли и Корельского уезда, у которых были свои причины заняться изготовлением фальшивых денег. Видимо, термин «корелки худые», который стал затем общим названием для всех «кряпых денег», т. е. денег сомнительного происхождения, и менее употребительный термин «олонские деньги» были синонимами. «Корелками худыми» были и копейки, чеканенные Нефедкой с товарищами, и датские подделки с именами русских царей, и другие русские и иностранные подделки первой половины XVII в.⁵⁰

Причины массовой чеканки фальшивых денег в шведских владениях на Северо-Западе России лежат в тех своеобразных социаль-

⁴⁷ Цит. по: *Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства...* С. 205.

⁴⁸ *Быков А. В. Борьба с фальшивомонетчиками в Московском государстве в первой половине XVII в. // Труды ГИМ. Вып. 80: Нумизматика, боноистика, фалеристика. М., 1992. Нумизматический сборник. Ч. XI. С. 79—83.*

⁴⁹ *Мельникова А. С. Русские монеты...* С. 232.

⁵⁰ *Быков А. В. Борьба с фальшивомонетчиками...* С. 79—85.

но-экономических отношениях, которые сложились здесь в результате шведского присутствия.

Письменные источники, обнаруженные в финских и шведских архивах и ставшие сравнительно недавно доступными русским исследователям, показали, что, несмотря на шведскую оккупацию, в Ижорской земле и Корельском уезде сохранились православие, русское административное деление, система сельского управления и порядок обложения, земельные меры. Изменилась лишь структура земледелия: все земли стали считаться владениями шведской короны, которая раздавала их в жалованье служилым людям как наследственную собственность дворянам, или ленные пожалования за службу.

В основе своей население оставалось прежним — это были русские, ижорские, водские и корельские крестьяне. Однако среди землевладельцев подавляющее большинство составляли шведские, голландские и немецкие фамилии. Шведская корона усиленно привлекала немцев и голландцев, поскольку нужно было срочно освоить опустошенные военными действиями земли.⁵¹ Для шведской короны присоединенные русские территории имели значение не только и не столько как возможность контролировать русскую внешнюю торговлю на Балтике, но и как средство извлечения доходов из казны, истощенной долгими войнами конца XVI — начала XVII в.

О составе городского населения в шведских владениях можно составить некоторое представление по материалам, связанным с историей Нисеншюнда — города, основанного специально для усиления роли шведского купечества в балтийской торговле. По данным 40-х годов XVII в. в городе, насчитывающем около 2 тыс. жителей, большинство богатых купцов и представителей городского магистрата были немцами; шведы составляли ничтожный процент жителей города. Большую часть городского населения составляли русские, которые почти без исключения принадлежали к социальным низам города: они занимались ремеслом, погрузкой и перевозкой товаров, судовым промыслом и только трое из них имели собственные небольшие лавки. Русские жители были совершенно бесправны перед лицом немецко-шведской администрации города.⁵²

Стремление шведских властей извлечь максимум доходов из оккупированных земель породило свою систему сбора средств с населения. Шведское правительство начало широко использовать практику откупов.

Уже говорилось о передаче на откуп Кексгольмского и Нотебургского уездов Я. Делагарди до 1628 г. В 1620 г. аренду на 4 года получил богатый немец, ревальский купец Богуслав Розен, пожалованный дворянским званием. Ему достались Ямский, Копорский и Ивангородский уезды.⁵³ начиная с 20-х годов началась массовая выдача откупов. Откупщики выплачивали казне определенную сумму в обмен на право сбора налогов. Поскольку крестьяне лиш-

⁵¹ Аграрная история Северо-Запада России. Т. 4. С. 188—205, 193—194.

⁵² Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 139—143.

⁵³ Аграрная история Северо-Запада России. Т. 4. С. 193.

лись права передавать свои наделы по наследству, права на продажу или заклад наделов перешли к откупщикам или владельцам поместий). Усадьбы в дольщинстве случаев управлялись наемными управляющими, причем некоторые из них сдавали поместья в аренду. Откупщики стали единственной могущественной силой на местах, обладающей всей полнотой политической, юридической и экономической власти. Злоупотребления и жестокость откупщиков привели к массовому недовольству населения, и в 1634 г. шведские власти были вынуждены отказаться от их услуг.⁵⁴

В шведских владениях на Северо-Западе России сложились два мира: мир крестьянский и посадский, представленный прежними населенниками, живущими по своим обычаям, со своим языком, религией, деньгами и мир иноземных феодалов и бюргеров, не ассимилирующимися с местным населением.

Крестьянство активно боролось против шведских захватчиков в годы шведской интервенции (1611—1617), а после присоединения Ижорской земли и Корельского уезда к Швеции в 1617 г. началось массовое переселение в пределы Русского государства. В 1649 г. русское правительство отправило в Стокгольм посольство для решения вопроса о перебежчиках, которое после долгих переговоров решило проблему выкупом за 190 000 руб. русских крестьян, переселившихся в Россию.⁵⁵

По данным поземельных книг Ижорской земли учет повинностей производился в шведских денежных единицах.⁵⁶ Но вряд ли это означало, что податное население выплачивало налоги шведскими деньгами. Наличие кладов с русскими копейками на территории Ижорской земли и Корельского уезда дает основание для предположения о приоритетном положении русских денег в глазах местного населения. И даже заметное изменение этнического состава к концу XVII в., когда увеличился процент финских крестьян за счет русского крестьянства, перебежавшего в Россию, никак не отразилось на количестве кладов с русскими монетами. Видимо, русская проволочная копейка очень прочно укоренилась в местной жизни.

Русские копейки должны были представлять ценность для податных сословий как средство выплаты налогов. Для шведской администрации такое положение вещей представляло известную выгоду. Запас русских проволочных копеек был необходим для таможенных служб, поскольку многие приезжие торговые люди меняли здесь талеры на «утожие» русские деньги, без которых они не могли продвигаться по русской территории. Копейки нужны были и для торговли с местными крестьянами, и для расплаты с наемной рабочей силой, используемой при транспортировке грузов по дорогам Ижорской земли и Корельского уезда. Разумеется, с крестьянами и най-

⁵⁴ Катаева К. Откуп налогов и феодализм в Кенсгольмском лене (Корельском уезде) в 1617—1725 гг. // Европейский Север: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 6—7.

⁵⁵ Очерки истории СССР: XVII в. М., 1955. С. 764—765.

⁵⁶ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенкуу, 1987; Шаскальский И. П. Материалы по истории Ижорской земли и Корельского уезда. С. 123—125.

минами можно было расплачиваться и талерами и, возможно, какая-то часть маленьких кладов с талерной монетой была спрятана местными жителями. Но использование талеров было менее выгодно для приезжих «немцев», чем расплата копейками. Не случайно в Стокгольме и Ниеншанце за талер давали 63 и 64 копейки,⁵⁷ в то время как официальный курс талера составлял всего 50 копеек. Копейки в пограничных областях России были, по всей видимости, более употребительны.

Спрос на русскую проволочную копейку порождал местные курсы обмена, взаимовыгодные для обеих сторон. В Ижорской земле и Корельском уезде сложился местный рынок денег, появились торговые люди, которые специально занимались закупкой и обменом копеек на талеры и наоборот.

В 1633 г. в Ивангороде происходил сулебный процесс. К суду привлекался русский житель Кексгольма (Корелы), подозреваемый в чеканке фальшивых денег. Его имущество конфисковали, и на допросе он показал, что фальшивые деньги, обнаруженные у него, он выменял в Нарве у кексгольмского крестьянина. Этот крестьянин был вызван в суд; при обыске и конфискации его имущества у него обнаружили 47 руб. фальшивыми копейками. Экспертиза показала, что монеты только на три четверти состояли из серебра, и на одну часть — из латуни. Суд признал невиновным кексгольмского торговца монетами на том основании, что у него была хорошая репутация, он всегда торговал доброкачественными копейками, которые у него принимали даже иностранные купцы в Пскове.⁵⁸

Этот документ рисует всех участников денежного рынка: жителя Корелы, русского по происхождению, торгующего талерами в Нарве, Ивангороде и Пскове, и корельского крестьянина, который сбывал фальшивые копейки в Нарве и у которого дома хранился запас этого товара.

Помимо документа 1633 г., о характере денежного рынка, сложившегося на шведской территории в Северо-Западной Руси, свидетельствует также состав Пулковского клада.

Состав Пулковского клада интересен прежде всего тем, что мы, в отличие от других кладов смешанного состава, не дошедших до нас (№ 66 и 71 Приложения 2), можем судить о соотношении в нем русских и западноевропейских монет. По ценности обе части клада примерно равны. 38 целых и 3 полуталерных монеты на русские деньги составляют сумму в 19 руб., полтину с полуполтиной. 1491 копейка составляет 14 руб., полтину, полуполтину, 5 алтын, 2 деньги. Существенным кажется и то обстоятельство, что в кладе имеется лишь одна шведская монета. Это в известной степени может служить доказательством того, что владельцем клада был человек, связанный с торговлей деньгами. Наличие в кладе серебряной чашечки с небольшой ручкой, на которой читаются латинские буквы, соединенные в монограмму GAK, дает основание видеть во владельце клада иностранца. Общая сумма клада, на русский счет составляю-

⁵⁷ РШЗО. 1646 г. № 92. С. 128; 1663 г. № 157. С. 234.

⁵⁸ *Hatz G. Denningen*, S. 31.

щая 34 руб. с полтиной и двумя алтынами, представляется довольно значительной.

Наибольший интерес представляет состав русской части клада. Несмотря на датировку клада младшей монетой 1645 г., копейки Михаила Федоровича, чеканенные после 1620 г., насчитываются здесь буквально единицами, хотя хорошо известно об обильной чеканке копеек в начале 30-х—40-х годов на Московском денежном дворе.⁵⁹ Московские выпуски 1613—1620 гг. в кладах насчитывают около 30% к составу русской части клада, а выпуски 1621—1643 гг. — всего 1,06%. Нет в кладах копеек, чеканившихся в два последних года правления Михаила, в 1644 и 1645 гг. Зато монеты Псковского и Новгородского денежных дворов времени Михаила, обычно немногочисленные в кладах середины XVII в., здесь составляют около 38 %. В числе монет, относящихся к времени правления царей от Ивана IV до Владислава Жигимонтовича, псковские и новгородские монеты также явно преобладают над московским чеканом. Очень высок процент монет, чеканившихся в 1611—1617 гг. в оккупированном шведами Новгороде (около 12%).

Но самой большой достопримечательностью Пулковского клада оказалось рекордно большое число «испрядых денег», т. е. тех, которые русским правительством причислялись к «воровским». Монеты, чеканенные «Нефедкой с товарищи», встречающиеся в русских кладах в одном, редко в двух экземплярах, здесь составляет 41 экз. (2,75%)! Всего в настоящее время известны 69 экз. этих монет, выявленных в коллекциях музеев и монетных кладов; на долю Пулковского клада приходится почти 60% от числа всех копеек «Нефедки». Также необычно много — 9 экз., составляющих 0,6% от общего числа русских монет клада, оказалось в кладах датских деннингов. Они тоже часто встречаются в русских монетных кладах, но единичными экземплярами, причем большая часть их приходится на долю подделок с именами русских царей. В Пулковском кладах, напротив, 6 монет имеют имя Христиана IV и лишь 3 — имена Михаила и Василия. Зато еще один вид «испрядых» денег — копейки, чеканившиеся в Ярославле после 1619 г. на откупных началах, обычно довольно обильно насыщавших монетные клады XVII в.,⁶⁰ здесь имеются лишь в четырех экземплярах (0,26 %). Встречена в кладах также одна фальшивая копейка неизвестного происхождения.

Очень любопытно сравнить состав Пулковского клада с кладами середины и второй половины XVII в., найденными в пределах Ленинградской области к востоку от шведских владений. Доступными для изучения и сравнения оказались клады из Лодейного Поля (ОН ГЭ, № XXVIII), из д. Лукнянская Подпорожского р-на (ОН ГЭ, № XIX), из пос. Осьмино Лужского р-на (ОН ГЭ, № XXIV) и из г. Любань (ОН ГЭ, № 32 новой серии). В табл. 2 они обозначены под номерами II, III, IV, V; номером I обозначен Пулковский клад.

⁵⁹ Мельникова А. С. Русские монеты... С. 173—180.

⁶⁰ Там же. С. 184—190.

Таблица 2

№ п/п	Дата клада	«Старые» монеты до 1613, %	Шеллы в Новгороде	Москва	Псков	Новгород	«Нефедки с тавершии»	Лесные	Ярославль	Фальшивые
I	1645	16	12	38,06	15,5	23	2,75	0,6	0,2	0,06
II	1624/25	34	7	42	5,8	15,3	0,3	0,6	0,3	0,3
III	1624/25	30	7,4	41,7	1,7	20	0,3	--	--	--
IV	1645	6	2,3	83	2	2,5	0,2	0,2	1,4	--
V	1654	3,8	1,7	87	2,6	4,5	0,43	0,04	0,78	0,23

Клады из восточных районов Ленинградской области и местностей, лежавших в стороне от шведских владений, отражают все те процессы, которые происходили в русском денежном обращении после 1613 г., когда денежное хозяйство постепенно стало оправляться после разрушительных последствий Смуты.

К 20-м годам XVII столетия в денежном обращении на Северо-Западе, как и повсюду, сохранялся довольно значительный процент «старых» монет, чеканившихся по более высокой весовой норме; местной особенностью было значительное количество монет, чеканившихся в оккупированном шведами Новгороде, изолированном с 1611 по 1617 г. от остальной территории Русского государства. Здесь также в большем числе, чем в других русских кладах, был представлен чекан Псковского и Новгородского денежных дворов, включившихся в производство денежной продукции после заключения Столбовского мира 1617 г. и возвращения Новгорода в состав России. Всякого рода «непрямые» копейки (чекан Нефедки, деншины, ярославские монеты после 1619 г.) достигали северо-западных окраин еще в небольших количествах. Но к середине века ситуация заметно изменилась. Почти полностью исчезли из обращения «старые» монеты и выпуски шведской оккупации Новгорода 1611—1617 гг.; сократился процент выпусков Псковского и Новгородского денежных дворов, поскольку они были около 1627 г. закрыты, и преобладающим в денежном обращении стал московский чекан. Активно проникают в обращение и занимают достаточно заметное место «непрямые» выпуски, среди которых преобладают монеты, выпущенные в Ярославле после 1619 г., а выпуски Нефедки и деншины занимают довольно скромное место. Резко возрастает количество «воровских» денег, происхождение которых до сих пор не выяснено, но среди которых заметную роль играет продукция отечественных фальшивомонетчиков.

Как следует из приведенной таблицы, состав Пулковского клада не затронули перемены в русском денежном обращении

середины XVII в. Ему оказались ближе клады, сложившиеся в 20-е годы. Поскольку не сохранилось ни одного клада с русскими монетами, найденными на шведской территории, по Пулковскому кладу можно составить некоторое представление о составе и структуре обращающейся здесь денежной массы, состоящей из русских монет.

Государственная граница, которая после 1617 г. отделила Ижорскую землю и Корельский уезд от Русского государства, положили конец регулярному притоку русских копеек, чеканенных на «государевых дворах». Приток этот осуществлялся теперь стихийно, лишь благодаря торговле. Уже одно это обстоятельство обусловило недостаток в русской монете, от которой местное население упорно не желало отказываться. Такое положение, безусловно, послужило одним из стимулов к массовой чеканке фальшивой монеты. Способствовал развитию этого промысла и повышенный спрос на русскую монету со стороны приезжих торговых людей, нуждавшихся в «угожих» деньгах для различного рода контактов с местным населением. Здесь же фальшивомонетчики, среди которых, видимо, основательнее других был оснащен «Нефедка с товарищи», заполняли этот спрос своей продукцией. Привозные из-за рубежа «воровские» деньги, среди которых на первое место следует поставить продукцию датского монетного мастера из Глюкштадта Альберта Диониса,⁶¹ чеканившего деняппи с именами Христиана IV и русских царей, также жадно впитывались местным денежным обращением. Если на русской территории появление привозных «воровских» денег было замечено уже в 1620 г., о чем свидетельствует царский указ, разошедшийся в российские торговые центры,⁶² и фискальная служба стала проверять денежную наличность, «вымывая» «воровские» деняппи и штрафуя их владельцев, здесь, на шведской стороне, иностранцам трудно было отличить в массе русских копеек фальшивые, чем с успехом пользовались местные умельцы.

Состав русской части Пулковского клада отразил состояние денежного хозяйства Северо-Запада России, отошедшего под власть Швеции. Недостаток выпусков после 20-х годов компенсировался необычайно высоким процентом «воровских» денег местного и зарубежного происхождения.

По всей видимости, Пулковский клад принадлежал одному из торговцев монетой, обслуживавшего денежный рынок Ингерманландии и Кексгольмского уезда. Наличие в кладе серебряной чашечки с латинской монограммой, большое число талеров в составе клада, при единственной шведской монете, а также большой процент «воровских» монет — все это свидетельствует о том, что, в отличие от персонажа судебного дела 1633 г., владелец клада — торговец монетами — был иноземцем.

В 60-е годы XVII в., во время проведения денежной реформы 1654—1663 гг., когда в России явно под влиянием медной швед-

⁶¹ Там же. С. 190—196.

⁶² Веселовский С. Б. Семь сборов запорожных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 188—189.

ской чеканки⁴³ заменить серебряные копейки медными (в 1655 г.), произошел новый всплеск «денежного воровства». На этот раз подделывали медную копейку. И опять поставщиками «воровских денег» стали шведские владения в России и зарубежные фальшивомонетчики. Относительно последних А. Л. Ордин-Напокин, воевода Царевичева-Дмитриева города (Кухенойса) в 1660 г. писал рижскому генерал-губернатору о том, что «воровских денег медных многое число в Колывани объявилось по присылке из Галанские земли печатанные под гербом руским; в такие деньги галанцы, oprичь иных городов, и в Ригу отвозят И чужеземцом, будучи в нашей земле, того беречься под смертным страхом, чтоб русских денег за свои товары не имать, не только чтоб откуды привозить и торговать не своими деньгами. А таких дел во всем свете остерегають крепко, чтоб чужево гербу никто не подделывал».⁴⁴

21 ноября 1661 г. московский торговый человек, уже упоминавшийся выше, М. Загорский, доносил из Олонца: «Появились на Олонце и в Северских и в Заонежских погостах многия воровския подделаныя медные деньги от тех новгородских и олонцких и тифинских и белозерских закупщиков... А казенная денюга вапего царского величества можно с воровскими деньгами скоро разобрать, потому на Москве денежных нашего царского величества два двора, да в Великом Новгороде, да во Пскове другая два двора,⁴⁵ а воровских печатей на воровских деньгах много, и счесть невозможно».⁴⁶

Русская монета сохраняла свое приоритетное значение в Ижорской земле и в Корельском уезде во все годы шведского владения. Об этом свидетельствуют клады с русскими копейками второй половины и конца XVII в.

В составе монетных кладов, найденных в шведских владениях на Северо-Западе Руси, отразилась структура местного общества, разделенного на две группы по национальному и социальному признакам: основное население, состоящее из русских, ижорских, волских и корельских крестьян и посадских людей, и бюргерско-феодалная верхушка, представленная шведами, голландцами и немцами. Святуяущим звеном между ними были местные и приезжие торговые люди и государственные чиновники.

Надо полагать, клады с русскими копейками оставляли по преимуществу крестьяне. Об этом говорят и места находок, главным

⁴³ В 1655—1663 гг. медные копейки, деньги и более крупные номиналы — алтыны и грошевики — чеканились на Новом Московском («Аптекарском») денежном дворе, на Старом Московском дворе в Кремле, а также на восстановленном в 1655 г. Новгородском и Псковском денежном дворах. С 1658 г. по 1661 г. работал еще денежный двор в Кухенойсе (Царевич-Дмитриев город), но М. Загорский о нем не упоминает.

⁴⁴ *Патри В. М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства... С. 168.

⁴⁵ Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. Москва; Стокгольм, 1978. № 64, С. 103.

⁴⁶ *Акты Московского государства.* Т. 3. № 540. С. 461—462.

образом в сельской местности, и небольшие размеры кладов, что было характерным также и для основной территории России.⁶⁴

Клады с большим количеством талеров и часть кладов со шкилевой медью прятали, вероятнее всего, торговые люди. Клады эти, купеческие по происхождению, вряд ли можно связывать с местным денежным обращением. Что же касается мелких кладов с талерами и медью, их можно отнести к имуществу мелких землевладельцев, получивших у шведской королевы земельные наделы на бывшей русской территории, или представителей шведской администрации. Для них деньгами была талерная монета и шкилевая медь, а не проводочные русские копейки. Но нельзя исключать и того, что некоторая часть таких кладов была спрятана крестьянами или посадскими людьми — скорее всего для того, чтобы использовать это серебро и медь для изготовления «воровских» денег или ювелирных изделий. На ярмарке в Нившпанце в 1640 г. мастера-серебреники Юрий Михайлов, Иван Фильшов и Иван Тимофеев пролавали серьги и кольца, серебряные крестики и пуговицы, позолоченные кольца, серебряные и позолоченные сосуды.⁶⁵ Сырьем для изготовления этих ремесленных изделий служили, разумеется, талеры.

Главным аргументом, говорящим о приоритетном положении русской монеты на территории шведских владений на Северо-Западе Руси, следует считать наряду с кладами состоящими из копеек, массовое изготовление местным населением «воровских» денег — корелок или олонецких денег. Можно утверждать, что в Ижорской земле и Корельском уезде после 1617 г. победу одержала русская копейка, которая, несмотря на все свои несовершенства, была сохранена корельским населением как один из элементов, наряду с языком и религией, связующих его с родиной. Но не следует забывать и об экономической выгоде от чеканки и сбыта «воровских» копеек в этом пограничном районе.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СОСТАВ ПУЛКОВСКОГО КЛАДА

I. Западноевропейские монеты* (40 экз.)

Голландия, Северные Нидерланды, ригсдаальдеры 1601 г., в. 28 г; 1630 г., в. 28 г; Зеландия, 1621 г., в. 28 г; Утрехт, 1598 г., в. 28,48 г; Гельдерн, 1612, 1622 г., общ. в. 56,83 г, 2 экз.; Оверис-

⁶⁴ Мельникова А. С. К вопросу о социально-экономической природе и историко- numизмическом значении монетных кладов XVI—XVII вв. // Проблемы историко- numизмической истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 153—162.

⁶⁵ Шаскольский И. П. Русская морская торговля... С. 171.

* Определен В. М. Потанин. Сохранения: в. — вес, общ. в. — общий вес.

саль, 1619 г., в. 27,08 г; Зап. Фризия, 1620 г., в. 55,4 г. 2 экз.; 1623 г., в. 28, 13 г.

Германия, Верхне-Рейнский округ, Гессен-Кассель, Вильгельм V (1627—1637), талер, 1637 г., в. 27,93 г; ландграфство Эльзас, эрцгерцог Фердинанд II (1564—1595), талер без года, в. 28,07 г; эрцгерцог Максимилиан (1612—1618), талер 1616 г., в. 28,25 г; император Фердинанд II (1619—1623), талер 1621 г., в. 28,30 г; Франкфурт-на-Майне, талер 1621 г., в. 27,95 г; Вормс, талер 1624 г., в. 28,55 г.

Германия, Нижне-Саксонский округ, Вестфалия, графство, Горн-Филлип (1531—1568), талер без года, в. 27,58 г; герцогство Брауншвейг, старшая линия Грубенгаген, Вольфганг и Филипп (1567—1595), талер 1587 г., в. 28 г; новая Люнебургская линия, Христиан (1617—1633), полталера 162(6?) г., в. 14,12 г; Любек, талер 1621 г., в. 28,90 г; талер 1623 г., в. 28,70 г; Гамбург, полталера 1609 г., в. 13,57 г; полталера 1621 г., в. 13,82 г.

Германия, Верхне-Саксонский округ, герцогство Саксонское, Альбертинская линия, Христиан I (1586—1591), талер 1588 г., в. 28,80 г.

Германия, Франконский округ, владения дома Бранденбург-Аасбах, Фридрих Альберт Христиан (1625—1634), талер 1626 г., в. 27,20 г; Нюрнберг, имп. Фердинанд II (1619—1637), талер 1623 г., в. 28,80 г; талер 1624 г., общ. в. 57,80 г, 2 экз.

Германия, Баварский округ, архиепископство Зальцбург, Парис де Лодран (1617—1653), талер 1623 г., в. 28,48 г; талер 1638 г., в. 28,60 г.

Германия, Швабский округ, сеньория Таттлеат и Арген, графство Монфорт, Гуго IV и Иоанн VII (1619—1625), талер 1620 г., в. 28,08 г

Австрия, провинция Австрия, эрцгерцог Рудольф II (1576—1612), талер 1581 г., в. 28,53 г; графство Тироль, эрцгерцог Фердинанд (1564—1595), талер без года, в. 27,58 г; талер без года, в. 27,38 г; гульден-талер 1567 г., в. 24,30 г; эрцгерцог Леопольд (1619—1632), талер 1620 г., в. 28 г.

Швейцария, кантон Цуг, талер 1622 г., в. 27,57 г; кантон Базель, талер 1622 г., в. 27,65 г.

Швеция, Христина (1632—1654), талер 1645 г., в. 27,77 г.

Польша, Сигизмунд III (1587—1632), талер 1628 г., в. 27,50 г.

П. Состав русской части князя (1491 экз.)

№ п/п	Правитель	Место чеканки	Годы	Номинал и знак на монете	Ссылка на литературу	Вес (в гр.)	Количество
41	Илья IV	Псков	1535—1547	Копейка А	М., т. 1, 9—12	1	1
42	"	"	1547—1550	" ГР	М., т. 1, 21—25		1
43—45	"	"	1560-е	" с/МН	М., т. 1, 35—37		3
46	"	"	1570-е	" ИВ-р	М., т. 1, 37—37		1
47	"	Новгород	1547—1550	" ПС	М., т. 1, 19—23		1
48	"	"	1555-е	" в/ДМ	М., т. 1, 25—26		1
49	"	"	1560-е	" в/ВА	М., т. 1, 29—26		1
50	Федор Иванович (1584—1598)	Псков	1596—1598	" ПС	М., т. 2, 3—1		1
51	"	"	1596—1598	" ПС	М., т. 2, 4—2		1
52	"	"	1596—1598	" ПС	М., т. 2, 5—2		1
53	"	"	1596—1598	" ПС	М., т. 2, 6—2		1
54	"	Новгород	1596	" в/НОРЛ	М., т. 2, 2—1		1
55	"	"	1597	" в/НОРЕ	М., т. 2, 3—2		1
56	"	"	1598	" в/НОРС	М., т. 2, 5—2		1
57	Борис Федорович (1598—1605)	Москва	1599	" М	М., т. 3, 1—1		1
58—61	"	"	1600	" Б о о М	М., т. 3, 4—2		4
62	"	"	1602	" с М	М., т. 3, 6—2		1
63—66	"	Псков	1599	" ПСРЗ	М., т. 3, 1—1		4
67—68	"	"	1600	" ПС	М., т. 3, 2—1		2
69	"	"	1603	" ПС	М., т. 3, 3—4		1
70	"	"	1604—1605	" ПС	М., т. 3, 5—5		1
71	"	Новгород	1599	" в/НОРЗ	М., т. 3, 1—1		1
72—74	"	"	1602	" в/НОРІ	М., т. 3, 6—5		3
75—78	"	"	1603	" в/НОРАІ	М., т. 3, 9—8		4
79—80	"	"	1603	" НРАІ	М., т. 3, 11—9		2
81—82	Дмитрий Иванович (1605—1606)	Псков	1605	" ПС	М., т. 3, 1—1		2
83—84	"	Новгород	1605	" НРПТ	М., т. 4, 1—1		2

№ п/п	Приватиль	Место чеканки	Годы	Номинал и знак на монете	Ссылка на литературу	Вес (в гр.)	Колличество
85	Дмитрий Иванович (1605—1606)	Новгород	1606	Копейка ИРДІ	М., т. 4, 2—1		1
86	Василий Иванович (1606—1610)	Псков	1606	" ПС	М., т. 4, 1—1		1
87	Владислав Жигимонтович (1610—1612)	Новгород Мстисла	1610 1610—1612	" РІН " 6/6	М., т. 4, 5—4 М., т. 4, 2—2	0,48—2 0,52—2 0,55—2	1 6
94—185	Иван Шныды в Новгороде (1611— 1617)	Новгород	1612—1615	" РІН с именем Василия Ивановича	М., т. 6, 1—1	0,24; 0,25; 0,36; 0,40; 0,44; 0,47; 0,48; 0,49—2; 0,50—2; 0,51—5; 0,52—16; 0,53—21; 0,54—18; 0,55—8; 0,56—11; 0,57—2	92
186—277	"	"	1615—1617	" ИРГІ	М., т. 6, 2—2	0,40—2; 0,43—2; 0,45—7; 0,46—6; 0,47—11; 0,48—34; 0,49—15; 0,50—14; 0,51—2; 0,52—2 0,45	92
278	"	"	1615—1617	" ПС с именем Василия Ивановича	М., т. 6, 3—2		1
279	"	"	1615—1617	" ПС с именем Дмитрия Ивановича	М., т. 6, 3—3	0,23 (обломана)	1
280	Правительство Д. Пожарского и Д. Трубецкого (сентябрь 1612— февраль 1613)	Москва	1612	" М с именем Федора Ивановича	М., т. 5, 1—1	0,56	1
281—282	"	Псков	1612	" ПС с именем Федора Ивановича	М., т. 4, Б—Б	0,47; 0,51	2

№ п/п	Правитель	Место ссылки	Годы	Номинал в злате и монете	Ссылка на литературу	Вос (в гр.)	Кол-чество
283	Минялд Федорович (1613—1645)	Москва Временный донской двор	1613	Копейка М	М., т. 5, 2—2		1
284—285	"	"	1613	6/8	М., т. 5, 3—3		2
286—298	"	Москва Кремлевский пензенский двор	1614	Москва	М., т. 5, 3—1		13
299—301	"	"	1614	Москва	М., т. 8, 3—2		3
302—373	"	"	1614	Москва	М., т. 8, 3—3		72
374—378	"	"	1615	Москва	М., т. 8, 6—3		5
379	"	"	1615	Москва	М., т. 8, 3—5		1
380—406	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 3—8		27
407—457	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 3—7		51
458—462	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 6—8		7
463—497	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 6—8		33
498	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 6—7		1
499—511	"	"	1616	Москва	М., т. 8, 7а—8		13
512—515	"	"	1617	Москва	М., т. 8, 5—9		4
516	"	"	1617	Москва	М., т. 8, 5—10		1
517—518	"	"	1617	Москва	М., т. 8, 6—10		2
519—594	"	"	1617	Москва	М., т. 8, 3—9		76
595—603	"	"	1617	Москва	М., т. 8, 3—10		8
604	"	Москва	1617	М	М., т. 8, 9—9		1
605—606	"	"	1617	МО	М., т. 8, 7а—9		1
607—609	"	"	1618	Москва	М., т. 8, 5—11		3
610—629	"	"	1618	М	М., т. 8, 10—11		20
630—631	"	"	1618	Москва	М., т. 8, 3—12		2
632—663	"	"	1618	М	М., т. 8, 9—11		32
664—670	"	"	1618	М	М., т. 8, 9—12		7
671—715	"	"	1618	МО	М., т. 8, 7а—12		45
716	"	"	1619	М	М., т. 8, 10—13		1
717—761	"	"	1619	М	М., т. 8, 10—14		45

№ п/л	Правитель	Место чеканки	Годы	Номинал и знак на монете	Ссылка на литературу	Вес (в гр.)	Кол-чество
762—763	Михаил Федорович (1613—1645)	Москва	1619	Копейка МО	М., т. В, 7а—13		2
764—812	"	"	1619	"	М., т. В, 9—13		49
813—828	"	"	1619	"	М., т. В, 9—14		16
829—831	"	"	1619	"	М., т. В, 13—14		3
832—833	"	"	1619	" Москва	М., т. В, 15—17 вар.		2
834—857	"	"	1620	"	М., т. В, 10—15		24
858—859	"	"	1620	"	М., т. В, 11—12		2
860—863	"	"	1620	"	М., т. В, 10—16		4
864—865	"	"	1620	"	М., т. В, 13—15		2
866—867	"	"	1620	" Москва	М., т. В, 15—14		2
868	"	"	1621	"	М., т. В, 10—17		1
869	"	"	1621	"	М., т. В, 16—14		1
870	"	"	1621	" Москва	М., т. В, 6—23		1
871	"	"	1622	"	М., т. В, 16—19		1
872	"	"	1622	"	М., т. В, 17—20		1
873	"	"	1623	"	М., т. В, 17—21		1
874	"	"	1625	"	М., т. В, 20—23		1
875	"	"	1625	"	М., т. В, 20—24		1
876	"	"	1630	"	М., т. В, 20—32		1
877	"	"	1642	"	М., т. В, 29—41		1
878	"	"	1642	"	М., т. В, 29—42		1
879	"	"	1643	"	М., т. В, 28—48		1
880—883	"	"		Плохой сохранности			4
884—957	"	Псков	1617—1620	"	М., т. 10, 1—1		74
958—1016	"	"	1620—1623	"	М., т. 10, 1—2		59
1017—1113	"	"	1623—1627	"	М., т. 10, 2—2		97
1114—1115	"	"		Плохой сохранности			2

№ п/п	Правитель	Место чекани	Годы	Номинал и знак на монете	Ссылка на литературу	Вес (в гр.)	Количество
1116—1177	Михаил Федорович (1613—1645)	Новгород	1617	Копейка и/РКЕ	М., т. 6, 1—1		62
1178—1184	"	"	1617	" и/РКЕ	М., т. 6, 1—2		7
1185—1364	"	"	1618	" и/ГД	М., т. 6, 2—2		180
1365—1366	"	"	1618	" и/ГД	М., т. 6, 2—1		2
1367	"	"	1619	" и/РП с именем Михаила Федоровича	М., т. 6, 1—2		1
1368—1374	"	"	1620	" и/РП с именем Михаила Федоровича	М., т. 6, 2—3		7
1375—1382	"	"	1620	" и/ГДО	М., т. 6, 3—2		8
1383—1423	"	"	1621	" и/НОГ	М., т. 6, 4—4		41
1424—1433	"	"	1622	" и/НГ	М., т. 6, 5—4		10
1434—1440	"	"	1623—1627	" и/НГ	М., т. 6, 6—4		7
1441	"	"	1623—1627	" и/НГ	М., т. 6, 5 вар.—4		1
1442—1450	"	"	1623—1627	" и/НГ	М., т. 6, 5 —плох. сохр.		9
1451—1459	"	"		Плохой сохранности			9
1460—1485	Чекан «Нефелки с товарищю» «в Свее»	Корельский уезд (?)	После 1617 г.	" и/ПС с именем Михаила Федоровича	М., т. 6, 3—5	0,35—2; 0,40—2; 0,42—2; 0,43—2; 0,45—2; 0,46—4; 0,47—6; 0,48—5; 0,52	26
1486—1496	"	"	После 1617 г.	" и/ПС с именем Михаила Федоровича	М., т. 6, 3—6	0,35; 0,44; 0,46—6; 0,47—2; 0,48	11
1497	"	"	После 1617 г.	" и/6/6 с именем Михаила Федоровича	М., т. 6, 5—4	0,45	1

**СПИСОК КЛАДОВ МОНЕТ XVI—XVII вв.,
НАЙДЕННЫХ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ И В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

1. С.-Петербург, Васильевский остров. В 1950 г. найден клад времени Алексея Михайловича (1645—1676). *С., № 114, с. 121.*
2. С.-Петербург. В 1911 были найдены 706 монет времени Бориса Годунова (1598—1605). *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 1911/296.*
3. С.-Петербург. В 1871 г. при чистке канавы на Охте был найден клад, состоящий из 460 монет, круглой бляхи, серег и медной трубы. Из четырех монет, переданных в Эрмитаж, две оказались талерами Вильгельма Брауншвейг-Люнебургского 1622 г. и Августа Ратцебургского 1635 г., а две — шведскими монетами 1626 и 1644 гг. *П., 1967, с. 56; П., 1974, № 9.*
4. С.-Петербург, Московский проспект. В 1955 г. в стене разобранного дома найден горшок с русскими монетами XVII в. *С., № 122, с. 121.*
5. С.-Петербург. В 1961 г. был найден клад медных шведских монет, состоящий из 1184 экз. монет достоинством в 1/4 эре (фюрк) времени Густава II Адольфа (1611—1632) — 2 экз. 1629 г.; Кристины (1632—1654), 1633 г. — 8 экз., 1634 — 177, 1635 — 250, 1636 — 171, 1636 (?) — 5, 1637 — 130, 1638 — 72, 163 ..? — 43, 1640 — 6, 1641 — 41, 1642 — 30, 1644 — 5, 1645 — 7, 164..? — 12, год стерт — 225 экз. Клад зарыт после 1645 г. *П., 1974, № 10.*
6. С.-Петербург. В 1915 г. в районе Пороховых было найдено 12 пудов шведских медных монет, чеканенных при Густаве II Адольфе и Кристине. Клад датируется серединой XVII в. *ОАК, 1913—1915. С. 181, 260; П., 1974, № 18.*
7. С.-Петербург (с. Реликуль б. Петербургского уезда и губ). В 1904 г. здесь нашли 96 шведских монет первой половины XVII в., зарытых, вероятно, около середины XVII в. *ОАК, 1904, с. 109; П., 1974, № 21.*
8. С.-Петербург, г. Павловск. В 1944—1950 гг. найден маленький кувшинчик с монетами Ивана IV (1533—1584), насчитывающий около 200 экз. *С., № 139, с. 123.*
9. С.-Петербург, Пулковое. В 1936 г. был найден клад, состоящий из 40 талеров и 1491 серебряной проволочной русской копейки XVII в. Клад найден в муравленой кубышке, где вместе с монетами находился коровий рог и серебряная чашечка с латинской монограммой на ручке. Датируется серединой XVII в. Хранится в ОН ГЭ под № XVIII, кубышка под № 8. *П., 1967, с. 56—58; П., 1974, № 11; П., 1977, № 11, с. 80; С., С., № 32, с. 75.*
10. С.-Петербург, Пулковое. В мае 1961 г. в полукилометре от Пулкова, на склоне холма, были найдены пять талеров: Бавария, курфюрст Максимилиан (1597—1651), 1623 г.; Зальцбург, архие-

- пископ Парис граф Лондрон (1619—1653), 1621 г.; Нидерланды, провинция Гельдерн, ригсдаальдер 1651 г.; Нидерланды, провинция Голландия, ригсдаальдер 1650 г.; Польша, Сигизмунд III (1587—1632), талер 1628 г. *П., 1967, с. 56.*
11. С.-Петербург, Пулково. Летом 1926 г. на территории Пулковской обсерватории был найден клад, состоящий из нескольких десятков западноевропейских монет. Н. П. Бауеру (ОН ГЭ) были показаны две шведские монеты 1534 и 1535 гг. достоинством в 1/4 эре. Клад датируется временем до 1535 г. *П., 1967, с. 56; П., 1974, № 1.*
 12. С.-Петербург, Пулково. В 1962 г. здесь нашли клад, состоящий из 77 шведских медных монет времени Густава II Адольфа достоинством в 1 эре: 1627 г. — 1 экз., 1628 — 20, 1629 — 20, 1630 — 5, год стерт — 24. Клад зарыт после 1630 г. *П., 1974, № 7.*
 13. С.-Петербург, Пулково. В 1839 г. при постройке Пулковской обсерватории был найден клад шведских медных монет в количестве 880 экз. Из них 850 экз. составлял номинал достоинством в 1 эре; известно, что среди них имелись монеты 1629 г. Остальные 30 экз. были, вероятно, номиналами в 1/2 и в 1/4 эре. Клад был зарыт, по всей видимости, во второй четверти XVII в. *Архив ЛОИА. Ф. 6. Д. 63; П., 1974, № 17.*
 14. С.-Петербург, г. Пушкин. В 1827 г. на территории Царскосельского дворцового ведомства были обнаружены 36 шведских монет 1660—1690 гг. *П., 1967, с. 56.*
 15. С.-Петербург, г. Сестрорецк. В 1966 г. был найден клад, зарытый в последние годы правления Ивана IV. *М., 1980, № 52, с. 46.*
 16. С.-Петербург, г. Сестрорецк. В 1908 г. был найден клад с копейками Петра I (1689—1725), датированный 1704 годом. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 62/1908.*
 17. С.-Петербург, район Главного гребного порта, с. Грязевец, на берегу Финского залива. В 1823 г. на глубине 1,5 сажени были найдены 3000 монет от Ивана IV до Ивана Алексеевича. *С., № 108, с. 120.*
 18. С.-Петербург, окрестности, д. Каячка. В 1929 г. в ОН ГЭ поступили три найденные здесь русские серебряные монеты XVII в. *С., № 110, с. 121.*
 19. С.-Петербург, окрестности, с. Ржавка. В 1958 г. в ОН ГЭ поступили 6 монет Василия Шуйского (1606—1610) из клада, найденного здесь вместе с кубышкой. Монеты хранятся в ОН ГЭ под № XI. *С., С., № 26, с. 73.*

Ленинградская область

20. Волосовский р-н, д. Терпилицы. В 1925 г. были найдены 174 монеты времени Ивана IV. *С., № 148, с. 124.*
21. Волховский р-н, д. Заполька. Найден клад монет, зарытый в конце правления Ивана IV. *М., 1980, № 50, с. 46.*

22. Волховский р-н, Новая Ладога. Около 1855 г. найдена серебряная испанская монета Филиппа II (1555—1598). *П.*, 1977, № 5, с. 79.
23. Волховский р-н, с. Реброво. В 1958 г. найдены 687 монет времени Федора Алексеевича (1676—1682). Клад хранится в ОН ГЭ под № XLIII. *С., С.*, № 62, с. 84.
24. Всеволожский р-н, с. Колтуши. В сентябре 1953 г. был найден клад, состоящий из 44 шведских медных монет номиналом в 1 эре, относящихся ко времени Густава-Адольфа. К 1625 г. относятся 3 экз., 1625 или 1626 — 3, 1626 — 12, 1626 (?) — 1, 1627 — 4, 1628 — 9, 1630 — 6 экз. Клад датируется 30-ми годами XVII в. *П.*, 1974, № 6.
25. Всеволожский р-н, Павлово. В 1962 г. здесь был найден клад, состоящий из 89 шведских монет из меди периода правления Кристины, достоинством в 1/4 эре: 1633 г. — 2 экз., 1634 — 26, 1635 — 14, 1636 — 13, 1637 — 10, 1638 — 2, 1641 — 5, год стерт — 17 экз. Клад зарыт после 1641 г. Хранится в ОН ГЭ под № 1376. *П.*, 1974, № 8.
26. Гатчина, окрестности. В 1878 г. в двух черстах от города были найдены в земле три шведских далера 1671 г. *П.*, 1967, с. 56; *П.*, 1974, № 31.
27. Гатчина, окрестности. В 1932 г. на торфоразработках близ города были найдены четыре нидерландских ригсдаальдера: Зеландия, 1624, 1649 гг.; Утрехт, 1619 г., Западная Фризия, 1619 г., а также один гамбургский талер 1610 г. *П.*, 1967, № 56.
28. Гатчинский р-н, пос. Большая Пудость. В 1969 г. найден клад, состоящий из одной серебряной и 1034 медных шведских монет XVII в. Серебряная монета представляет собой эре 1656 г. времени правления Кристины; медные: 1 эре 1629 г. времени Густава II Адольфа и 1/4 эре времени Кристины: 1634 г. — 141 экз., 1635 — 271, 1636 — 144, 1637 — 91, 1638 — 82, 1640 — 6, 1641 — 43, 1642 — 30, 1644 — 13, 1645 — 16, 1653 — 4, 1654 — 1, год стерт — 191 экз. Клад зарыт после 1654 г. *П.*, 1974, № 25.
29. Гатчинский р-н, пос. Высоко-Ключевский. В 1973 г. в ОН ГЭ поступили 57 монет из клада, зарытого после 1602 г. Клад находился в сосуде, представлявшем собой пороховницу из обливной глины, осколки которой поступили в ОН ГЭ вместе с монетами клада. Клад хранится под № 67 (новая серия). *С., С.*, № 147, с. 124.
30. Гатчинский р-н, ст. Сиверская. В 1965 г. был найден клад монет времени Михаила Федоровича (1613—1645). *С.*, № 147, с. 124.
31. Киприсепт. В 1959 г. в городском саду найден клад серебряных копеек времени Петра I. *С.*, № III, с. 121.
32. Киприсептский р-н, с. Велья. В 1953 г. найден клад, состоящий из 393 шведских медных монет, чеканенных при Густаве II Адольфе. Монеты достоинством в 2 эре 1626 г. — 18 экз., 1627 — 7, год стерт — 4 экз.; достоинством в 1 эре: 1624 г. — 1 экз., 1625 — 98, 1626 — 127, 1627 — 2, год стерт — 2; достоин-

- ством в 1/4 эре (фюрк), год стерт — 1 экз. Клад зарыт после 1627 г. *П., 1974, № 5.*
33. Кингисеппский р-н, с. Вистина (б. Ямбургский у. Петербургской губ.). В 1895 г. был найден клад шведских медных монет весом в 24 фунта. В Археологическую комиссию поступили 630 монет весом 22 фунта и 47 золотяжков. Все монеты чеканены в годы правления Густава II Адольфа и Кристины. Клад датируется серединой XVII в. Все монеты были переданы в дар Юрьевскому (Тартускому) университету. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1895. Д. 233; ОАК, 1895, с. 192—193; П., 1974, № 20.*
34. Кингисеппский р-н, д. Войносолово. В 1959 г. найден клад медных шведских монет XVII в. в количестве, превышающем тысячу экз. 150 монет из этого клада достоинством в 1/4 эре хранятся в Кингисеппском историко-краеведческом музее. *П., 1974, № 38.*
35. Кингисеппский р-н, д. Вольпет (б. Ямбургский у. Петербургской губ.) В 1869 г. крестьянка Анна Адамова нашла при рубке хвороста клад шведских медных монет весом в 22 1/4 фунта. Монеты находились в берестяном лукошке, спрятанном в земле под камнем. Клад был зарыт предположительно в XVII в. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1869. Д. 33. Л. 1—2; П., 1974, № 41.*
36. Кингисеппский р-н, с. Дубровка. В мае 1960 г. на местном кладбище был найден клад медных шведских монет XVII в. достоинством в 1/4 эре. *П., 1974, № 35.*
37. Кингисеппский р-н, с. Коскялово. В 1959 г. был найден клад монет времени Василия Шуйского. *С., № 108, с. 121.*
38. Кингисеппский р-н, д. Кайбола (б. Ямбургский у. Петербургской губ., Ратчинская волость). В 1863 г. местный житель нашел на своем огороде 13 серебряных монет: 12 грошенов Брауншвейга, 1633 г.; 1/2 талера 1622 г., Гамбург, Фердинанд II (1619—1637); гульдены Антона Гютнера (1603—1667) и Фердинанда III (1637—1657); талер 1657 г., Саксония; 1/4 талера 1631 г., Венгрия; талеры (2 экз.) Фердинанда I (1521—1564), Тироль; 1/4 талера 1618 г., Чехия; талер 1633 г., Польша; Торн, талер 1634 г.; далер 1632 г. и 2 марки 1666 г., Швеция, времени Густава II Адольфа и Карла XI (1660—1697). Монеты спрятаны не позднее 1666 г. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1865. Д. 13. Л. 1; П., 1967, с. 58; П., 1974, № 29.*
39. Кингисеппский р-н, д. Кайболово (Кайбола?). Здесь до 1929 г. был найден клад, состоящий из 1325 экз. мелких шведских монет весом около 50 фунтов. 178 монет клада хранятся в ОН ГЭ под № 743. Состав части клада: времени Кристины, 1 эре 1638 г. — 1 экз., год стерт — 1 экз.; времени Карла XI, 2 эре 1662 г. — 1 экз., 1 эре 1669 г. — 3 экз., 1675 — 8, 1677 — 10, 1683 — 1 экз.; 1/6 эре 1666 г. — 16 экз., 1677 — 1, 1668 — 2, 1669 — 2, 1670 — 12, 1671 — 30, 1672 — 16, 1673 — 29, 1674 — 6, 1675 — 2, 1676 — 10, 1677 — 11, год стерт — 6 экз. В кладе находилась также медная денежная плита в два далера 1684 г. — самая поздняя монета клада. *Архив ЛОИА. Ф. 2. 1929. Д. 326. Л. 63 об.; П., 1974, № 33.*

40. Кингисеппский р-н, д. Комаровка. В 1960 г. был найден клад медных шведских монет достоинством в 1/4 зре, чеканенных при Кристине и Карле X Густаве (1654—1660) в 1634—1656 гг. В кладе насчитывалось более 1700 экз. Датируется временем после 1656 г. Монеты хранятся в Кингисеппском историко-краеведческом музее. *П., 1974, № 26.*
41. Кингисеппский р-н, д. Корветино. В 1964 г. найден клад серебряных монет времени Алексея Михайловича, в количестве 160 экз. Монеты находились в берестяной трубочке. *С., № 113, с. 121.*
42. Кингисеппский р-н, д. Монастырка. В 1964 г. найдено около 70 экз. монет времени Михаила Федоровича. *С., № 134, с. 123.*
43. Кингисеппский р-н, с. Недолбицы. В 1939 или 1940 г. у железнодорожного полотна на ст. Мшвская был найден клад шведских медных монет XVII в. *П., 1974, № 39.*
44. Кингисеппский р-н, с. Получье. В ОН ГЭ хранятся клад шведских медных монет, поступивших сюда двумя группами: 500 экз. (№ 893) и 2155 экз. (№ 947). Монеты чеканены во время Густава II Адольфа: 1/4 зре (фюрк) 1629 г. — 1 экз.; Кристины: ? зре 1633 г. — 18 экз., 1634 — 439, 1635 — 571, 1636 — 386, 1637 — 293, 1638 — 110, 163...? — 11, 1640 — 80, 1641 — 92, 1642 — 45, 1644 — 26, 1645 — 18, 1646 — 1, 164...? — 2, год стерт — 605 экз. Клад зарыт после 1646 г. *П., 1974, № 12.*
45. Кингисеппский р-н, с. Раскулиды. В 1901 г. были найдены 2634 экз. монет Ивана IV. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 182/1901.*
46. Кингисеппский р-н, с. Удосолово. В 1960 г. была найдена кубышка с несколькими сотнями монет начала XVII в. времени Василия Шуйского. *С., № 112, с. 124.*
47. Кингисеппский р-н, с. Ухоры (б. Ямбургский у. Петербургской губ.). В 1869 г. крестьянские дети нашли клад медных шведских монет, весивший 37 фунтов. Три монеты — две круглые и одна четырехугольная — были доставлены в полицию. Суля по четырехугольной монете, которые чеканились при Густаве II Адольфе, клад был зарыт, вероятно, во второй четверти XVII в. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1869. Д. 33. Л. 1—2; П., 1974, № 16.*
48. Г. Кириши. В 1951 г. неподалеку от р. Волхов был найден клад русских монет времени Михаила Федоровича весом около 500 г. *С., № 112, с. 121.*
49. Киришский р-н, д. Чернецово. В 1927 г. были найдены 565 монет, зарытых в конце правления Ивана IV. *С., № 151, с. 124-5.*
50. Г. Лодейное Поле. В 1962 г. был найден клад русских монет в количестве 870 экз., зарытых во время правления Владислава Жигимонтовича (1610—1612). *С., № 129, с. 122.*
51. Г. Лодейное Поле. В 1960 г. найден клад серебряных копеек, относящихся ко времени правления Петра I (1689—1725). *С., № 128, с. 122.*
52. Лодейнопольский р-н, Свирский монастырь. В 1957 г. был найден горшок с серебряными монетами Михаила Федоровича

- (327 экз.). Клад хранится в ОН ГЭ под № XXVIII. Датируется 1624/25 гг. *С., С., № 33, с. 76.*
53. Ломоносовский р-н, с. Высоцкое (б. Петергофский у. Петербургской губ.). В 1894 г. найден клад из 278 шведских медных монет XVII в. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1894. Д. 114. ОАК, 1894, с. 164—165; П., 1974, № 37.*
 54. Ломоносовский р-н, д. Гостилицы (б. Петергофский у. Петербургской губ.). В 1898 г. найден кувшин с медными шведскими монетами XVII в. Монеты весили 1 пуд 13 ф. *ОАК, 1898, с. 74—75. 186; П., 1974, № 36.*
 55. Ломоносовский р-н, с. Новая Буря (б. Петергофский у., Медушская волость Петербургской губ.). В 1904 г. найдены 69 шведских медных монет первой половины XVII в., зарытых, вероятно, около середины XVII в. Монеты хранились в медном котле, насчитывали 712 экз. Состав клада: два экз. — достоинством в 1 эре, остальные 710 — в 1/4 эре. Большинство монет относятся ко времени правления Кристины. В архивном деле отмечены монеты в 1/4 эре 1635, 1636 и 1637 гг. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1890. Д. 211, л. 1; П., 1974, № 22.*
 56. Лужский р-н, пос. Осьмино. В 1963 г. найдено около 2000 монет времени Михаила Федоровича. 428 монет из клада поступили в ОН ГЭ под № XXIV. Клад датируется 1645 годом. *С., С., № 37, с. 77.*
 57. Подпорожье, пос. Спирской ГЭС. В 1967 г. найдено около 200 монет времени Ивана IV. Клад датируется 70-ми годами XVI в. *С., № 143, с. 124.*
 58. Подпорожский р-н, с. Винница. В 1955 г. найден клад монет времени Ивана IV; часть клада (48 экз.) поступила в ОН ГЭ под № XXVa. Клад датируется 70-ми годами XVI в. *С., С., № 14, с. 69.*
 59. Подпорожский р-н, д. Лукинская. В 1941 г. были найдены 633 монеты времени Михаила Федоровича, зарытые в 1624/25 гг. Клад находился в зеленой пороховнице-баклаге. Хранится в ОН ГЭ под № XIX, сосуд — под № 9. *С., С., № 36, с. 76.*
 60. Г. Петрокрепость, Кировский горсовет (б. Шлиссельбург Петербургской губ.). В августе—сентябре 1909 г. при земляных работах было найдено 9 шведских монет, в том числе две серебряные монеты Кристины в 1 эре 1642 г. и Карла XI 1644 г.; 1/4 эре Кристины: 1634 г. — 2 экз., 1642 и 1644 гг. — 4 экз.; 1/6 эре Карла XI 1671 г. — 1 экз. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1909. Д. 151. Л. 1—5; П., 1974, № 30.*
 61. Тосненский р-н, г. Любань. В 1972 г. найдены 2660 монет времени Алексея Михайловича. Клад зарыт до 1654 г. Монеты находились в кубышке светлой глины. Хранится в ОН ГЭ под № 32 новой серии, сосуд — под № 10. *С., С., № 45, с. 77.*
 62. Тосненский р-н, с. Никольское (б. Шлиссельбургский у. Петербургской губ.). Летом 1851 г. был найден в ручье холщовый мешочек с медными шведскими монетами весом в 30 фунтов. Мешочек был спрятан в берестяной короб. В кладе были мо-

неты в 1, 1/2 и 1/4 эре; отмечена монета 1636 г. Помимо монет, в кладе имелась плита в 1 далер 1653 г. весом 4 фунта. Клад зарыт после 1653 г. *Архив ЛОИА. Ф. 6. 1851. Д. 170; П., 1974. № 24.*

63. Тосненский р-н, д. Саблино (б. Царскосельский у. Петербургской губ.). В 1913 г. на берегу р. Тосны был найден клад, состоящий из 81 экз. шведских серебряных монет. 7 монет этого клада чеканены в 1660—1693 гг. Клад зарыт после 1663 г. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1913. Д. 104; ОАК 1913—1915. С. 180—181, 260; П., 1967, с. 56; П., 1974, № 34.*
64. Тосненский р-н, д. Шапки (б. Шлиссельбургский у. Петербургской губ.). В 1910 г. при строительстве железной дороги был найден глиняный горшок, в котором находилось около 1100 мелких шведских монет в 1/4 эре, чеканенные в 40-е годы XVII в. Монеты весили 29 фунтов. Клад датируется серединой XVII в. *ОАК, 1909/1910, с. 196, 261; Прибавление к ИАК, вып. 37, СПб, 1910, с. 177; П., 1974, № 19.*

Клады, найденные близ границ Ленинградской области

65. Новгородская обл., г. Чулово. В 1960 г. найдены 2133 монеты Ивана IV. Клад зарыт в конце его правления. Хранится в ОН ГЭ под № XXV, сосуд — под № 2. *С., С., № 18, с. 71.*
66. Г. Гдов Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1907 г. при углублении колодца была найдена большая кубышка, наполненная серебряными и медными шведскими монетами и русскими копейками. *П., 1967, с. 56.*
67. Гдовский р-н Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1901 г. был найден клад, состоящий из 84 серебряных западноевропейских монет, из которых две были шведскими монетами в 2 марки (1597 и 1681 гг.), а две — мелкими шведскими. *П., 1967, с. 58; П., 1977, № 7, с. 79; П., 1974, № 32.*
68. Д. Зажупанье Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1891 г. при археологических раскопках в погребениях были найдены, кроме вещей, обрубки шведских серебряных монет XVII в. *ОАК, 1891, с. 95; П., 1977, № 6, с. 79; П., 1974, № 40.*
69. Д. Савина Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1895 г. крестьянин И. Курносов нашел клад, состоящий из прибалтийских фердингов, шильвигов, артигов и пфеннингов, чеканенных в Ливонии, Риге, Ревеле и Дерпте между 1514 и 1566 гг. Среди них находились 10 экз. шильвигов, чеканенных в Ревеле при шведском короле Эрике XIV (1560—1568). Кроме того, в кладе имелась одна шведская монета в 1 эре Густава I Вазы (1523—1560) 1547 г. Монеты поступили в Русское Археологическое общество. Клад датируется временем после 1566 г. *Архив ЛОИА. Ф. 1. 1895. Д. 261. Л. 1—2; ОАК, 1895, с. 73, 192—193; П., 1974, № 2.*
70. Д. Луготино Гдовского р-на Псковской обл. (б. Петербургская губ.). В 1892 г. были найдены русские монеты, зарытые в прав-

- ление Владислава Жигимонтовича, общим весом в 2 ф. 35 зод. 72 доли. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 1892/48.*
71. С. Святонавлок Медвежьегорского р-на, Карелия (б. Повенецкий у. Олонецкой губ.). В 1903 г. найден клад из серебряных русских монет времени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича и западноевропейских талеров. Определены 13 экз. копеек Михаила Федоровича и 1 экз. — Алексея Михайловича, а также один брауншвейгский талер 1630 г. Клад датируется серединой XVII в. *П., 1977, № 11, с. 80.*
72. Д. 2-я Лисицкая Олонецкого р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1903 г. были найдены 844 монеты времени Михаила Федоровича. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 200/1903.*
73. С. Пуломозеро Олонецкого р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1903 г. найден кувшинчик с 3856 монетами (серебряными копейками) Алексея Михайловича. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 250/1903.*
74. Д. Никитина Пудожского р-на, Карелия (б. Олонецкая губ.). В 1893 г. найдены 160 монет времени Михаила Федоровича. *Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 79/1893.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив ЛОИА — Архив Ленинградского отделения Института археологии.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 М., 1980, № ..., с.... — Мельникова А. С. Монетные клады Ивана Грозного // Нумизматический сборник. Ч. шестая (Труды ГИМ; Вып. 50). М., 1980.
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
 ОН ГЭ — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.
 П., 1967, с.... — Потин В. М. Пудожский клад талеров XVII в. // Сообщения Государственного Эрмитажа, Л., 1967. Вып. 28.
 П., 1974, №... — Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI—XVII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1974. XIX.
 П., 1977, №..., с.... — Потин В. М. Талеры на территории нашей Родины в XVI—XVII вв. // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.
 С., №..., с.... — Сотникова М. П. Материалы к топографии находок русских монет XIV—XX вв., зарегистрированных в Эрмитаже в 1948—1974 годах // Русская нумизматика XI—XX вв.: Материалы и исследования. Л., 1979.
 С., С., №..., с.... — Сотникова М. П., Славский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Там же.